

О том, как на самолете летала в аспирантуру, а белье во время съемок стирала в раковинах купированных вагонов

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1747>

18 июля 2014

Собеседник

Кармалита Светлана Игоревна

Ведущий

Озерова Екатерина Густавовна

Дата записи

Беседа записана 18 июля 2014 и опубликована 20 мая 2016.

Введение

Светлана Кармалита рассказывает о гибели деда и отца, о том, как на руках у матери провожала идущих по дороге в Бабий Яр, о своём чудесном спасении. Вспоминает о своём отчине («втором папе») — театральном критике Александре Борщаговском, о скитаниях своей семьи в эпоху борьбы с космополитизмом, о стойком характере матери и характере своего мужа Алексея Германа, который отказывался от карьеры и почти не касался бытовой стороны жизни. Мы узнаём, как ради мужа можно бросить аспирантуру, жить месяц в поезде и стирать в раковинах купированных вагонов. В конце беседы Светлана Кармалита рассказывает о воспитании Алексея Германа-младшего, его дворовых друзьях, его самостоятельности.

Екатерина Густавовна Озерова: Я сегодня беседую со Светланой Кармалитой, сценаристом, заслуженным деятелем искусств Российской Федерации, соавтором Алексея Германа и мамой Алексея Германа-младшего. Светлана, я благодарю вас, что вы согласились на эту встречу. Не могли бы вы вспомнить ваши ранние годы, может быть, ранние воспоминания? Что происходило в вашем раннем детстве?

Светлана Игоревна Кармалита: Пожалуй, задача будет не из легких, поскольку детство происходило достаточно с большими событиями и в жизни страны, и, естественно, в жизни семьи. Одни только эти воспоминания бы и заняли практически все время, которое мы с тобой решили отвести для этого разговора. Поэтому, может быть, лучше я скажу не то, что вспоминаю — хотя... вспомнится так вспомнится, — а то, что я думаю о своем детстве и о жизни, которая началась у меня достаточно рано, потому что я родилась в 1940 году, в 1941-м началась война, и даже если я не помню первые годы, что естественно, то уже с 1943-го — 1944 года что-то возникает в памяти.

” Самое главное, что я думаю о детстве и о своей жизни — это потрясающее везение «бабской» части моей семьи: моей бабушки, моей мамы, меня, потому что мы любили и нас любили совершенно замечательные, удивительные мужчины.

О репрессированном деде

Алексей Герман и Светлана Кармалита

Бабушка была замужем... Я, естественно, знаю его только по фотографии.

”

Дед был расстрелян в 1937 году. В принципе, было два официальных обвинения: первое, что, будучи молодым человеком, он плакал во время отречения Николая от престола, а вторая — что не совсем верил в стахановское движение.

Сейчас это звучит более чем странно как причина для того, чтобы расстрелять человека через месяц после ареста, практически мгновенно. Дело деда было коротенькое, несколько страниц, потому что на все он отвечал «нет». Дед был в Киеве почтовым работником, начальником почтового отделения, а почтовая служба в России была всегда работой почетной, значительной... И бабушка моя была почтовым работником.

”

Почтовые работники поддерживали связь друг с другом, и поэтому бабушка знала, что когда ее мужу, моему деду, задали какой-то вопрос, он взял графин и ударил следователя этим графином по голове. Может быть, поэтому его так быстро и расстреляли...

Е.О.: Это был приговор.

С.К.: ...может быть, поэтому. Мою маму дед научил любить замечательную литературу, читать замечательные книжки. И вообще выделять в жизни то, что может иметь к отношению... ну, к искусству не назовешь, потому что мама не была ни художником, ни сценаристом...

Е.О.: Во всяком случае, к культуре.

С.К.: Да, к культуре... И к душевной склонности, скажем так, что, очевидно, все-таки самое главное.

Кадр из фильма «20 дней без войны»

Отец и отчим

Моя мама вышла замуж очень рано и родила меня в шестнадцать лет, в законном браке, не в грехе, что тогда, насколько я понимаю, имело значение. Мой отец по крови погиб в 1944 году, и, по воспоминаниям и по его письмам с фронта, это тоже был замечательный человек. Он был бесшабашный, как когда-то говорили, шепутной, он был, насколько представляю себе, внутренне свободным человеком. Было ли это от молодости или от характера, но, во всяком случае, судьба его была... Он попал в окружение под Киевом, Дарницкое. Там практически собрались все родственники. И, поскольку он был украинец, его рано освободили из плена, и какое-то время он был вместе с нами, со мной маленькой, мамой и со всей огромной семьей, в оккупации. Это были Киев, Житомир... Это был такой поход по оккупированной земле, и как только он смог добраться до Красной Армии, сразу ушел на фронт...

Е.О.: Опять, да.

С.К.: ... и погиб с орденом Славы... То есть он получил высшую солдатскую награду. Мы не будем думать о том, что бы с ним было после войны, с человеком, который был и в плену, и в оккупации, ему это изведать не довелось. Мама моя вышла второй раз замуж за театрального критика — она работала в Комитете по делам искусств в Киеве — Александра Михайловича Борщаговского. Это мой второй отец. Я их так и называю. Это мой любимый папа, который вкладывал в меня и душу, и любовь, и я всегда знала, что я его любимая...

Е.О.: Дочка.

С.К.: ...дочка. Но это не значит, что он не любил... Я как-то так сказала неловко, потому что у меня есть сестра, она меня младше, и она уже полноценно родная дочь, но у нас разницы никогда не было.

У моего второго любимого папы был один недостаток, очень важный в 1940-е годы: он был еврей.

Он был очень талантливый театральный критик, и в 1946 году из Киева его пригласили переехать на работу в Москву, он стал завлитом Театра Красной Армии и членом редколлегии журнала «Новый мир». Пригласил его Константин Михайлович Симонов. Вот с этого времени практически началось мое знакомство с «КаэМом» Симоновым и опять-таки моя любовь к нему.

Е.О.: И знакомство с театром.

Театр Красной Армии

С.К.: В свои восемь лет я практически знала все закоулки Театра Красной Армии. Если ты представляешь себе размеры этого здания... Там, по детским воспоминаниям, можно было на лифте поднять машину куда-то поближе к ложе. Это очень определяло мою жизнь: она состояла из абсолютно киевской девочки маленькой, знающей все проходные дворы своего района Киева и живущей там как у себя дома, и одновременно девочки, которая жила в доме, где жили актеры и режиссеры Театра Красной Армии, то есть совершенно другой социальный срез... Мне очень нравилось с ними знакомиться. Знакомство началось с того, что я ukrала ключ от лифта. Лифт закрывался на ключ, а ключ висел на веревочке, и я подумала, что это бесхозьяйственно. Я продавала сало с бабушкой в Киеве на рынке, я понимала, как...

Е.О.: Это во время оккупации, да?

С.К.: Во время оккупации и в первый год после Победы. И просто висит ключ, а ведь на нем можно заработать деньги — я его срезала.

Е.О.: Интересный подход.

С.К.: Да. А дальше я стояла и говорила... Не могу вспомнить, какие были деньги тогда, но, предположим, пятнадцать копеек. Я могла сказать Зельдину: «Ключа нет, но если дадите пятнадцать копеек, я вас подниму на ваш этаж».

Е.О.: И какая была реакция... у людей?

С.К.: Ты понимаешь, замечательная!

Е.О.: Да? Они готовы были за пятнадцать копеек...

С.К.: Замечательная. Я думаю, это было отношение к моему возрасту и понимание, что какое-то военное прошлое должно сказаться, и отношение к моей маме, потому что она была чудо как хороша, мягка очень, интеллигентна. Думаю, что все это мне помогало.

Алексей Герман и Светлана Кармалита

Мытарства во время кампании по борьбе с космополитизмом

В 1949 году папа стал ведущим театральным критиком-космополитом, его уволили, выбросили из партии, и мы очень долго мыкались. На счастье — как я думаю, как я сейчас полагаю, на счастье, — нас выбросили из квартиры...

Е.О.: На счастье?

С.К.: Думаю, что да. Поскольку кровля не было, никакой крыши над головой не было, папа продавал... У него была замечательная библиотека, и папа продавал, начиная с наручных часов, и всю библиотеку. Вынуждены были скитаться по углам, кто из друзей примет, а таких было достаточное количество, как ни странно. Их было не меньше, чем тех, кто вообще перестал звонить. Как только угол находили, меня возвращали в Москву, как только оттуда выгоняли, меня отправляли в Киев к бабушке.

Е.О.: Ага.

С.К.: И поэтому такая вот была...

Е.О.: То есть, получалось, благодаря тому, что вас выгнали из той квартиры, вы стали не так уловимы для всех этих органов.

С.К.: Думаю, что да. Да и жизнь была разнообразная. И школ я поменяла десять, в связи с этой жизнью.

Е.О.: Это чему-то вас научило, эта смена мест? Это вырабатывает способности строить контакты, психологическое какое-то...

С.К.: У меня еще, знаешь, поразительная совершенно мама. Моей маме сейчас девяносто лет, у нее

замечательная голова... И я до сих пор иногда ловлю себя на том, что живу так, как она мне в детстве говорила. Моя мама во время войны — она 1924 года рождения — со мной на руках, была мамой, была женой, но она была девочкой по возрасту.

Е.О.: Ну конечно.

С.К.: И во время оккупации она практически возглавила огромную нашу семью в ее передвижениях по земле на оккупированной территории, возвращения в Киев в этот период. Это у меня и от мамы. И точно так же мама пережила все, начиная с 1949 года, потому что она приехала из Киева и попала в круг знаменитых людей — актеров, писателей... Они очень интересно узнали с папой, что с ними произойдет на следующий день. Константин Михайлович Симонов позвал их на дачу поужинать вместе. Они сидели, ужинали, и «КаэМ» почему-то пил за здоровье мамы, а моя мама тогда еще все равно была очень молодой...

Е.О.: И хороша собой.

С.К.: ...И она все время думала: «Господи, ну какой же мой Шура замечательный!» — думала она про моего второго любимого папу.

”

А, провожая, Симонов папе сказал: «Шура, завтра... будет в статье, ты завтра не будешь ни членом партии, ни завлитом, ни... Приготовься».

Е.О.: То есть он его предупредил.

С.К.: Он его предупредил. Это что касается моих.

«20 дней без войны» (Рабочий момент)

Характер мужа и его жизненная позиция

Что же касается моего мужа — то, что мне повезло жить с человеком настоящего мужского склада и ума, и характера, и воли, и невероятного благородства...

Е.О.: И обаяния.

С.К.: ... и обаяния, и совершенно лишённого борьбы за престиж, за место в официальном расположении каких-то фигур на доске. Ему это было все равно...

Е.О.: Вообще-то у него это место с рождения было. У него уровень очень высокий.

С.К.: Ну, это же... Ты же понимаешь, большинство хочет занять.

Е.О.: Большинство — да. Ну! Он совсем не большинство.

С.К.: Да.

Поступок немецкого офицера

Е.О.: Светлана, я вас слушаю, и какое-то ощущение, что Бог хранил... И в случае, что был дан второй прекрасный отец, и это предупреждение заранее. И этот случай, вы не упомянули, с Бабьим Яром —

это же была история совершенно потрясающая, когда вы с мамой отправились...

С.К.: Знаешь, я бы не хотела говорить именно сегодня про оккупацию, про украинские какие-то...

Е.О.: Нет, я про удачу, что какое-то чудо...

С.К.: Одно связано с другим, потому что когда вот эти годы, проведенные на Украине, то, что происходит сейчас... Почему я отказываюсь категорически отвечать на любой вопрос — а очень многие звонят по телефону и спрашивают — и участвовать в каких бы то ни было обсуждениях, потому что я, во-первых, очень много знаю со слов мамы...

Е.О.: А, со слов...

С.К.: А, во-вторых, моя мама написала замечательные воспоминания именно про это время. Она написала...

Е.О.: Они изданы?

С.К.: Нет, она отказывается. Ей предлагали не раз, и мы с Аленой, моей сестрой, ее уговаривали. Она говорит: «Это я писала, девочки, для вас. Это я писала для семьи...» Бабий Яр — это действительно... Иногда трудно себе представить, что значит пережить это понимание, потому что когда мама пошла провожать соседку и свою подругу в Бабий Яр...

Е.О.: С ребенком на руках.

С.К.: ...со мной на руках, помочь вещи поднести — все же шли с вещами, никто не предполагал, чем это закончится. Моя мама — миленькая, молоденькая...

Е.О.: Очень, очень молодая!

С.К.: ...светленькая, с маленькой светленькой девочкой на руках. В принципе, дошли достаточно далеко, и ее выбросил из колонны немецкий офицер. Мама разбиралась, а мне восстановить это...

Е.О.: Ну да.

С.К.: Надо ее переспросить, я не переспрашивала. Вернул, сказал «все».

Е.О.: То есть она привлекла его внимание.

С.К.: Да, она привлекла его внимание.

Е.О.: В ней было что-то такое...

С.К.: Думаю, непохожестью... Она была и есть абсолютно славянского типа, с голубыми глазами... А когда на следующий день — мама об этом написала — вернулся мальчик, прибежал во двор. Он рассказал, что там происходило.

Е.О.: Он сумел убежать?

С.К.: Да, он сумел убежать.

Е.О.: Тоже его кто-то вывел там?

С.К.: Нет, знаешь, некоторые люди, насколько теперь известно, выбирались из ямы этой...

Е.О.: И мальчик рассказал, что там было.

С.К.: И мальчик рассказал, что там произошло.

Е.О.: Так что, по сути, спас немецкий офицер, который выдернул из этой очереди.

С.К.: Да, и тут же, понимаешь, в принципе, спасибо ему не скажешь.

Е.О.: Да, сложно.

С.К.: Можно сказать спасибо за свою жизнь, за жизнь мамы и, соответственно, всего нашего рода, который идет от мамы. Но мама была очень славянской внешности, и причина этого поступка могла быть не в том, что он пожалел ее как человека, как личность. Нет, он понял, что она не из «этих» людей, что она...

Е.О.: То есть это такая формальная сортировка немецкая.

С.К.: Да.

Е.О.: Четкая. Порядок.

С.К.: Да, может быть так, а может быть иначе. Но мы никогда об этом уже не узнаем.

Е.О.: Нет, не узнаем.

Алексей Герман. (рис. Владимира Светозарова)

Всем женщинам семьи везло с мужчинами

С.К.: Поэтому нашей семье с мужиками очень везло, всегда везло. Точно так же под пятьдесят лет уже моя сестра Алена живет с моим любимым зятем. Это вообще очень смешная пара и очень смешная история. А зять мой, он индонезиец, сын политэмигранта... Так что наша семья распространилась еще в том направлении, взяв лучших представителей мужского рода оттуда.

Е.О.: Они в России живут, здесь?

С.К.: Да, эмигрировал отец, и он преподавал...

Е.О.: Уже здесь...

С.К.: Да, он преподавал здесь.

Е.О.: И ваш зять уже родился здесь, то есть он практически из нашей культуры.

С.К.: Слушай, ты меня спросила, и я сразу же...

Е.О.: Засомневалась...

С.К.: Пятьдесят лет тому назад... По-моему, да...

Е.О.: Но они совсем молодыми тоже познакомились, получается...

С.К.: Да, они учились вместе.

Е.О.: А сестра занималась чем?

С.К.: Сестра у меня художник. И мой зять художник. У них галерея государственная, которая...

Е.О.: В каком городе?

С.К.: В Москве. Очень известная, в смысле профессии... Сестра и зять — люди поразительного вкуса...

Е.О.: Какая у них фамилия?

С.К.: ...Вкуса и понимания.

Е.О.: Фамилия мужа?

С.К.: Моя сестра как была, так и осталась Борщаговской, а зять у нас... Ты знаешь, ты это вычеркни, потому что они мне не простят.

Е.О.: Ну, тогда не будем говорить это все... А галерея как называется?

С.К.: По-моему, «XXI век».

Е.О.: Если буду в Москве, я обязательно посмотрю, интересно. Мы остановились с вами — я вас отвлекла на более глубокие воспоминания, — а вы рассказывали про Алексея Германа-старшего, про то, что он лишен был амбиций быть в центре внимания и занимать какую-то должность, а занимался своим делом, своим искусством.

Как Герман-старший отказывался от должности

С.К.: Все дело в том, что он просто не хотел. Я помню, как мы были в монтажной, Леша работал, и я была с ним, а должны были позвонить Андрюша Смирнов и Элем Климов. Они уговаривали Лешу согласиться быть председателем Союза кинематографистов СССР. И Леша мне сказал: «Сейчас они позвонят, будешь стоять рядом и делай что хочешь: выкручивай мне пальцы, хочешь — ущипни...» А он не умел... ему очень трудно было отказать друзьям...

Е.О.: Не умел отказывать.

С.К.: Поэтому он боялся, что даст слабину и скажет: «Ну ладно, давайте».

Е.О.: Что его уговорят.

С.К.: «Делай что хочешь, но чтобы я не дал слабину и не сказал „да“». Я стояла, щипала, выкручивала

пальцы, и на все он говорил: «Ребята, нет!» Он не хотел. Как-то он не вписывался в эту картину, в которой мог быть каким-то начальником, который мог разрешить, еще что-то.

Е.О.: Даже история про «Сергия Радонежского», когда ему предложили возглавить, он сказал: «Я без злата вырос и на старости... тоже». Это какой-то...

С.К.: Какой-то склон другой...

Е.О.: ...духовный ход такой, когда человек... Ведь суета, это все суета...

С.К.: Знаешь, мне кажется, все значительно проще...

Е.О.: Да?

С.К.: У него настолько жизнь была заполнена бесконечным внутренним разговором с собой, со своими сюжетами, с предложениями, что там для начальственной жизненной позиции просто не было в голове места. У него настолько голова была занята другим, что там было не протолкнуться...

Е.О.: Плотный материал...

С.К.: Да.

Е.О.: ...и цельность невероятная.

С.К.: Да. Думаю, что это и было главное.

Е.О.: Света, а где истинная его жизнь была: в фильме, который он снимал, то, что он снимал? Это его истинная жизнь? Или когда он приходил со съемки? У меня такое впечатление, что он здесь набирался сил, а основная жизнь — она была там, в кино. Но это мое ощущение.

С.К.: Я не знаю.

Е.О.: Вы же с ним тоже вовлекались туда.

Мой друг, Иван Лапшин. Кадр из фильма

О совместном творчестве и быте

С.К.: Да, но это не имеет никакого значения. Я вовлекалась, мы вместе работали, и это не то, что я сейчас буду рассказывать. Об этом достаточно говорил сам Леша, мне нет нужды об этом говорить. Я не знаю, и вообще я давно перестала об этом думать, потому что если говорить о каких-то внешних жизненных проявлениях, то... Я не понимаю, когда и на каком этапе... Он мог лежать на диване, что он любил больше всего на свете. Мы могли куда-то пойти, он мог держать в состоянии невероятного веселья большой стол друзей, компанию... Он мог вдруг начать на что-то жаловаться, на жизнь, которая складывалась. Я имею в виду не личную жизнь, а то, что связано с судьбой картин... Но я не знаю, когда и каким образом в нем рождалось то, что потом он рассказывал и делал, предположим, на экране. Мне не хочется повторять, потому что...

Е.О.: То есть похоже, что эта работа шла все время.

С.К.: ...почему именно из этого я исхожу, когда говорю, что у него настолько голова была заполнена. Там не было места пустого, куда можно было бы что-то воткнуть. Были вещи, для которых у него тоже не было места в голове, например, бытовые какие-то.

Он не знал, что такое деньги, до смешного, потому что, в принципе, он никогда их и не получал, все деньги сразу попадали в мои руки.

Он никогда не требовал, чтобы что-то было особое приготовлено, всегда говорил: «Делай что хочешь». Но поскольку любил, тем не менее, вкусно поесть, просто отодвигал тарелку и говорил: «Ты знаешь, что-то мне не хочется». Я говорю: «Леш, что, невкусно, что ли?» Он говорил: «Ты знаешь, невкусно. Я же должен говорить тебе правду, невкусно».

Е.О.: Честно!

С.К.: И можно было тут же пожарить картошку, которую он всегда любил... Конечно, я старалась готовить.

Е.О.: Практическая сторона жизни была на вас. Или кто-то еще помогал?

С.К.: Ну, помогал, конечно...

Е.О.: Мама ваша или его мама?

С.К.: Моя мама была в Москве.

Е.О.: Мама в Москве, значит...

С.К.: Да, когда родился Леша, мама с папой регулярно приезжали из Москвы и помогали с маленьким Лешей. Они жили у нас на Марсовом поле и помогали. В принципе, Леша в два месяца первый раз поехал на поезде в Москву. И достаточно быстро он в коляске стал приезжать на студию...

Е.О.: То есть вы его брали с собой.

С.К.: Да.

Е.О.: Понятно. Меня всегда интересовал этот вопрос: как вы могли совмещать такую интенсивную работу, вовлеченность...

С.К.: Были няни.

Е.О.: Ну да...

С.К.: Что было очень сложно. А потом, ты забываешь, что когда Лешину картину очередную запрещали...

Е.О.: У вас было время.

С.К.: ...тем более ребенок находился с нами. Эта знаменитая история, когда мы сидели в Сосново, а в Сосново дачу построил Юрий Павлович Герман. Это абсолютно деревенский дом с плитой, без газа, без горячей воды, с сортиром-туалетом во дворе на одно очко...

Е.О.: Деревенские удобства там были.

С.К.: Да, но нам помогало это выжить. Мы очень дружно жили с нашими соседями. Это были наши любимые соседи. Местные, сосновские: Агния Кирилловна, Ваня. Мы вместе праздновали все праздники. Мы все время работали, все время писали, потому что сценарии, которые выходили под моей фамилией, мы это делали вместе.

Е.О.: Вдвоем, да, писали?

С.К.: Моя фамилия была, потому что Лешина была запрещена. А поскольку у нас был опыт родителей в конце 1940-х годов, Леша быстренько сообразил и сказал: давай только твоя фамилия.

Е.О.: У вас фамилия еще такая интересная, Кармалита, она звучит как имя — Кармалита.

С.К.: Красивая, да.

Е.О.: Вы говорили, что корни...

С.К.: Сказали, вроде бы закарпатские.

Е.О.: И писали вы под этой фамилией?

С.К.: Да-да.

Е.О.: А как все-таки люди работают вдвоем? Это обсуждение все время идет, да? Кто-то идеи кидает, кто-то разрабатывает? Как это происходит?

Проверка на дорогах. Кадр из фильма

Как начиналась работа над сценарием

С.К.: Лист бумаги в пишущей машинке — и поехали. Начало всегда Леша диктовал, я сразу печатала, и самое главное было — наступить на горло идиотизму своего характера и смолчать. Я спиной к нему садилась: Леша ненавидел это дело... И до первого момента, когда я переставала бить по клавишам.

Е.О.: Так.

С.К.: И вот тогда либо мы переделывали, либо начинался скандал...

Е.О.: Понятно.

С.К.: ...начинался крик. Потом поехали дальше. Если вдруг мы надолго застреваем в каком-то месте, начинались мучительные бесконечные разговоры и раздумья, что делать... Причем неважно, мою ли я посуду или готовлю, Леша ложится рядом на кухне или садится. Неважно, кто чем занимается, но это было бесконечно, пока не приходили к какому-то решению. У нас никогда не оставалось ничего неразрешенного за спиной в смысле сценария. Дальнейшие оглушительные скандалы могли возникнуть уже во время съемок. Это тоже бывало, потому что если Леша и орал безудержно на кого-то, то первой, конечно, была я. Но поскольку у нас старая группа, все это знали. Группа, бóльшая часть группы шла из картины в картину, поэтому все извивы его характера все знали.

Е.О.: Это были его особенности.

С.К.: Да, но их все принимали.

Е.О.: Удивительна эта открытость и, в общем-то, мужество, сказать близкому человеку: нет, я не согласен. Это вот такой момент... Проще же сказать: «Ну, пусть так будет!» А вы так, до конца...

С.К.: Тогда не получится то, что мы хотим сделать.

Е.О.: Но у вас такой характер-то, бойцовский, получается.

С.К.: Я помню, в «Двадцати днях...» мы никак не могли придумать, как ввести воспоминания о Сталинграде. Еще на уровне сценария мы никак не могли это решить, и я помню, мы в Москве спустились в метро на эскалаторе, и я придумала. Я схватила Лешу за рукав, остановила его и говорю: «Лешка, я придумала!» Он говорит: «Что?» И я рассказала. Он говорит: «Слушай, здорово, так и сделаем». Потом посмотрел на меня и сказал: «Ну и идиотка же ты!» *(Усмехается.)*

Е.О.: Почему?

С.К.: Когда придумываешь банально-сентиментальный ход, как я придумала, он эмоционально в первую секунду нравится...

Е.О.: Ну да.

С.К.: А потом... И как-то действительно вроде бы и я расчувствовалась, и он расчувствовался. Потом он, очевидно, поскольку он...

Е.О.: Одумался.

С.К.: ... поскольку он видел картинку... Мы картинки описывали в голове и очень часто сравнивали: какая у тебя картинка в голове, какая у меня картинка в голове. А из этого получалась литература. И...

Е.О.: Интересно, описывали. То есть вы художники оба с ним...

С.К.: А как только эта картинка возникла у него в голове, он понял, что я такую хреновину предложила сентиментальную! Вот...

Е.О.: Света, я еще хотела как раз на тему...Я, когда смотрю фильмы, каждый раз вижу на экране картину, законченную, быструю, очень быструю. И какая-то деталь на переднем плане возникает или какой-то взгляд. Раз — фиксация, потом пошло дальше, раз — фиксация. То есть как будто картинками. И у меня возникло ощущение, что Алексей Герман, по сути, художник. И то, что вы мыслите картинками — я как раз вспомнила это. Он вообще рисовал? Он делал...

С.К.: Абсолютно нет. Как это в детстве называется, «вот и вышел человечек»?

Е.О.: Да.

С.К.: Когда палочки рисует...

Е.О.: Да-да-да, «ручки, ножки, огуречик»...

С.К.: «ручки, ножки, огуречик, вот и вышел человечек». Когда раскадровки, предположим, он пытался прикинуть дома, так и было: «...огуречик, вот и вышел человечек», на этом уровне.

Е.О.: То есть он не рисовал, а картинку у него были.

С.К.: В голове. Да.

Е.О.: И ему приходилось это все объяснять.

Светлана Кармалита. (рис. Владимира Светозарова)

На съемке фильма

С.К.: Ты понимаешь, Леша работал с лучшими операторами Советского Союза и России.

Е.О.: А художники у него...

С.К.: ...Очень хорошие. Замечательные.

Е.О.: Которые его понимали и выдавали ему картинку.

С.К.: Да. Причем он очень смешно объяснял, что ему нужно.

Е.О.: Так.

С.К.: Например, это история достаточно известная, но она много раз повторялась, когда снимали поезд в «Двадцати днях без войны», и когда Валера Федосов снимал вагон этот, он действительно был стылый, там действительно было холодно. Мы месяц жили в этом поезде.

Е.О.: Все по-настоящему.

С.К.: Это было по-настоящему. А как стирать в этих раковинах купированных вагонов? Два сортира, на входе и на выходе из вагона. Как...

Е.О.: Холодная вода.

С.К.: ...как я стирала! Но не важно! Это не имело значения, как-то проскакивало. Но он стоял, Валера... Леша никогда не смотрел в глазок камеры.

Е.О.: Доверял.

” С.К.: Он никогда не смотрел кадр, и когда ему говорили: «Посмотрите!» — он говорил: «Нет. Нет». Он говорил: «Я работаю с операторами высшей категории, зачем мне смотреть в камеру?» Так вот, Федосову он читал стихи. Он в ухо ему читал Заболоцкого, а тот снимал.

Е.О.: Он передавал этот настрой...

С.К.: Настрой, ритм...

Е.О.: ...состояние...

С.К.: ...состояние.

О воспитании сына

Е.О.: Он вообще ведь очень атмосферный режиссер. Кстати, то, что я вижу и у Алексея Германа-младшего. Я помню, когда первый раз посмотрела его фильм «Гарпастум», я просто покорена была, потому что передо мной ожили рассказы моей бабушки. Детали, которые она... Это такая атмосфера точная. То же самое у Алексея Германа-старшего, атмосфера, погружение.

С.К.: Да, знаешь...

Е.О.: Ты погружаешься... Я говорю, я как в аквапарке, я в атмосфере его фильма, это просто погружение...

С.К.: Знаешь, мы ведь с Лешей не были теми родителями, когда все, что делает твой ребенок, замечательно и потрясающе, и он лучший на свете. Леша, во-первых, практически всегда был с нами, пока не уехал в Москву во ВГИК. Во-вторых, его друзья жили в нашем же дворе. Его друзья были и из квартир и из коммунальных квартир, отовсюду. Это было такое школьное — начиная с первого класса — школьное братство, которое родители очень поддерживали, родители этого класса. Это был класс, который, когда уволили преподавателя русского языка и литературы из школы — тот вынужден был уйти, — за ним ушел весь класс, и они несколько лет ходили по всему городу, где принимали преподавателя, достаточно свободно мыслящего, и много что рассказывавшего и читавшего им очень хорошую литературу. Туда шел и класс, пока на уровне уже восьмого класса мы, родители, в очередной раз не собрались — мы тоже праздники праздновали вместе — и не решили, что научили наших детей свободе, а теперь вот они пришли в школу на Невском проспекте, там, где... «Эта сторона улицы опасна при обстреле».

Е.О.: Да-да-да.

С.К.: «А вот теперь пусть понимают, что такое дисциплина».

Е.О.: А!

С.К.: «И здесь они останутся до конца». Так и было. Потом Леша рано уехал и очень рано стал жить...

Е.О.: Самостоятельно.

С.К.: ...самостоятельно. Он очень рано стал жить своей головой. В одном из сценариев у нас была сцена, когда отец прочитал стихи, которые писал его сын. Прочитал стихи и ужаснулся. Это мы писали, я тебе сейчас скажу, где-то в середине 1980-х. Отец прочитал стихи и ужаснулся, потому что он понял, что сын талантлив, и понял, как ему с талантом будет тяжело жить. Я не знала, что происходит у Леша, и когда он мне показал материал своей первой картины, я, в общем, поняла, по какому пути он идет... Я не понимала, что общество и страна скоро изменятся, а, находясь еще в том состоянии, я тоже испугалась. Мне очень нравится, как работает сын, и сейчас я видела еще не перезаписанную, но уже сложную последнюю его картину. Отец и сын, и при этом два абсолютно самостоятельных художника.

Е.О.: Да.

С.К.: Собственно говоря, если бы я одна так считала, я бы никогда не осмелилась это сказать...

Е.О.: Глубина... атмосфера... И психологическая составляющая есть у того и другого.

С.К.: Или внимание к жизни во всех ее проявлениях. Может быть, это точнее, потому что это как раз и вбирает...

Е.О.: Вот это все.

С.К.: ...вбирает в себя очень много. И, конечно, очень много значит Леночка, Лешина жена, которая по вкусу, по пониманию, по умению работать.... В последней картине — я ведь подробности мало знаю, мы уже не вмешиваемся в эту жизнь друг друга, но, насколько я понимаю, когда нам приходится жить вместе время от времени, на ней лежала вся художественная часть картины.

Е.О.: Она художник?

С.К.: Нет. Она художник, как я понимаю, не по образованию, а по невероятному таланту.

Е.О.: И они вместе работают.

С.К.: Они работают вместе, да.

Е.О.: Потрясающе! Повторяется история.

С.К.: Поскольку моя жизнь была счастлива, то...

Е.О.:... Он знает, как это бывает. И у ваших же родителей...

С.К.: То же самое... то же самое у моей сестры и моего зятя... с галерей.

Е.О.: И у вас перед глазами был пример...

С.К.: Родителей.

Е.О.: Такое приданное, которое по наследству передается...

С.К.: Но, Катя, так же не бывает, понимаешь? Так же не бывает! Это тоже, ты говоришь, подарок. Может, это и подарок, черт его знает.

Е.О.: Конечно, я считаю, что да... Вот ты один раз ощутил — ты знаешь, как это строить, знаешь, как это делать, потому что быть женой гениального художника, самой быть яркой творческой личностью и иметь высокоодаренного сына и как-то это все совмещать — это дар, это сложно, это непросто.

С.К.: Не знаю. И «повезло» вроде не скажешь...

Е.О.: И самой реализоваться.

С.К.: Знаешь что, я тебя умоляю, давай я не буду в это углубляться, потому что это вопросы, на которых нет ответа.

Светлана Кармалита. Юрий Фетинг. Алексей Герман. «Хрусталеv, машину!» (Рабочий момент)

Как пришлось оставить аспирантуру

Е.О.: Света, я хотела спросить, вы же кончали филологический факультет МГУ, дружили со Львом Копелевым, вы были аспиранткой и — раз, поменяли свою историю на кино. Или уже вы к этому шли?

С.К.: Нет, вообще я тебе должна...

Е.О.: Вот вы встретили Германа — и у вас пошло...

С.К.: Нет, я тебе должна сказать, что кино было мне всегда интересно, потому что папа был... Было такое писательское объединение на «Мосфильме», папа был там в худсовете. И когда я закончила школу, и в этом же году был введен закон о двухгодичной обязательной работе перед поступлением, я папу умоляла устроить меня на «Мосфильм», умоляла.

Е.О.: То есть было изначально это желание.

С.К.: Да, было изначально. Но папа сказал: «Я перетерпел с твоего детства все: ты хотела быть геологом, я тебе купил все, что можно было. Потом ты хотела быть археологом, я никогда тебя не отговаривал, хотя понимал, что твой отъезд в экспедиции будет трагедией для семьи. Я тебе помогал как мог. Но кино! И на „Мосфильме“ ты не будешь работать никогда!»

Е.О.: Боялся атмосферы...

С.К.: Да.

Е.О.: Сам пострадал... Вот видите, судьба, она...

С.К.: Что же касается Леша, то первый год я два раза в неделю летала в Москву, поскольку это была аспирантура, и мне нужно было обязательно присутствовать. Леша меня рано утром отвозил и вечером встречал последним самолетом. Так продолжалось до тех пор, пока он не уехал в экспедицию в Калинин.

Е.О.: Это что, «Проверка на дорогах»?

С.К.: «Проверка на дорогах», да. И вот оттуда он мне позвонил и сказал... Если бы я его не знала, я бы решила, что он лукавит, потому что только лукавством можно объяснить его фразу.

” Он сказал: «Светка, давай ставить на одну лошадь: либо мы вместе работаем на этой картине, либо, если хочешь, я в отчаянии бросаю все, и будем писать твою диссертацию».

Ну не может нормальный человек это предложить! Но это не было лукавством: я знаю Лешу, он действительно так думал.

Е.О.: Способен на такую жертву...

С.К.: Я пошла в институт. Замечательная была аспирантура, замечательные были Зингерман, Бочелис, замечательные люди, с которыми я работала и дружила. И я сказала им, что ухожу. Они мне сказали: будешь ты замужем за Германом, поскольку его считали «золотой молодежью», не будешь ты замужем за Германом — этого никто не знает, но если ты бросишь сейчас аспирантуру и вернешься через год, пойми, ты никогда не вернешься уже к нам обратно, это место твоим не будет — имелось в виду не официальный статус какой-то, а... Но через два дня я выехала в Калинин.

Е.О.: Это была немножко авантюра...

С.К.: Нет.

Е.О.: Это было просто решение...

С.К.: Мгновенное. Раздумий никаких не было.

Е.О.: И вы начали там работать вместе.

С.К.: Да.

Е.О.: И какое ваше было участие? Что вы делали вместе там по фильму?

С.К.: Все. Я просто была на съемках, при Леше, на обсуждениях, на беседах. Я быстро подружилась с группой. Столько лет продолжается близкая дружба с Феликсом Эскиным.

Е.О.: Это был первый серьезный его фильм, да? Самостоятельный. Ведь он сказал такую фразу, что «без Светы я бы кино снять не мог... снимать не мог». Это в фильме, который я видела, «Герман и Кармалита»...

С.К.: Без Леша я не написала бы ни строчки, — отвечу я.

Е.О.: Нет, он сказал так, что «Света без меня написала бы, может быть, среднее арифметическое, но написала бы, но я бы без нее кино снять не мог».

С.К.: Нет! Не написала бы. Нет, и желания нет. И желания нет. Мне несколько предложений было сейчас — я отказалась.

«Хрусталеv, машину!» (Рабочий момент)

Вопросы без ответа

Е.О.: Но что значит: он не смог бы без вас снять кино?

С.К.: Не знаю.

Е.О.: Что такое вы ему давали?

С.К.: Ты задаешь вопросы, на которые...

Е.О.: Не можете ответить?

С.К.: ...на которые я не могу ответить.

Е.О.: У меня есть предположение.

С.К.: Пример, который я все время привожу. «Трудно быть богом», готова сцена, отрепетировали. Очень длинный кадр, отрепетировано с актерами второго плана, третьего плана, декорации, реквизит на месте, Володя Ильин или Юра Клименко уже проехали много раз всю эту дорогу. Пора, можно снимать! Он не снимает. Как я и говорила, первой в группе не выдерживала я. Я говорила: «Леша, давай! Потом переснимешь, все же в порядке, все хорошо!». Нет. Мне в группе говорили: «Отстань от него, он не знает». А что тут не знать, когда все готово? Ну что тут можно не знать! Никакой логикой, никаким воспитанием хорошей литературой угадать нельзя, почему он не снимает. Пока он не говорит: «Принесите мне белую розу».

Е.О.: Ага, не хватало какого-то...

С.К.: Не хватало белой розы. И эта белая роза и цветы в «Трудно быть богом» потом становятся частью

картины. Как я могу объяснить, и как можно объяснить, что ему пришло в голову? Я думаю, что, поскольку он не смотрит в глазок камеры никогда, в той картинке, которая все время крутилась в его голове, ему не хватало, и он не мог понять, чего... Пока вдруг это не произошло.

Е.О.: Это очень похоже на работу художника... Когда ты делаешь, вроде все уже...

С.К.: «Ручки, ножки, огуречек»?

Е.О.: ...и ты мучаешься, мучаешься, а потом — раз, какое-то пятнышко — и все, и зазвучало. И ты знаешь, что готово. Просто он очень чувственный и переживающий.

С.К.: Ты очень точно говоришь — чувственный.

Е.О.: Меня еще, конечно, покорило, когда он рассказывал, как вернулся из Коктебеля, взял машину, говорит: «У меня тогда была „Волга“, по тем временам, поехал и стал искать в квартире зубную щетку. Зубной щетки нет, тапочек нет, помазка нет — все, никакого мужчины тут нет. И говорит: „Я тогда поселился и стал там жить“. Это и какая-то мягкость, и осторожность, и вместе с тем смелость, открытость и доверчивость... И я подумала, что я бы не устояла. В нем море обаяния, конечно.

С.К.: Но я и не устояла.

Е.О.: Да! Тепло рассказываете.

Начало совместной жизни и ввод войск в Чехословакию

С.К.: Я и не устояла. Я ведь еще не предполагала тогда, с кем имею дело. И так совпало, я в это время преподавала в институте немецкий язык студентам-вечерникам, работала почасовиком. Это был 1968 год, наши войска вошли в...

Е.О.: В Чехословакию.

С.К.: ...в Чехословакию, и с 1 сентября возобновилось преподавание немецкого языка в старой группе — это был уже второй курс и прибавился первый. Все свои первые занятия я начинала с того, что говорила: «Мы сначала с вами просто поговорим о том, что такое немецкий язык. Вот, например, в немецком языке существуют исключения из правил, как в любом другом языке. Мы начнем с исключения. В немецком языке существует только три страны женского рода, одна из них Чехословакия. Я вам расскажу про Чехословакию».

Е.О.: Так.

С.К.: И, придя на очередные занятия, я выяснила, что я там больше не преподаю, и по-разному к этому отнеслись двое моих друзей. У меня много друзей было, все отнеслись нормально, кроме двоих. Я не спала, я понимала, что это кто-то с первого курса, я не думала, что это кто-то из моих второкурсников... И они мне снились, кто пошел и рассказал. И в этом смысле у меня был очень верный друг, защитник — Леша. А в то время это много значило.

Е.О.: Вы были в каких-то зеркальных ситуациях: ему же пришел отказ... Он тогда уже хотел снять «Трудно быть богом», да?

С.К.: Понимаешь, в чем дело, это не означало... У меня же трудовая книжка там осталась, в институте...

Е.О.: Да.

С.К.: ...несколько лет. Леша говорил: «Не ходи, не забирай, мы не знаем, что там написано». И только года через четыре мы с ним поехали в институт, я забрала трудовую книжку — там ничего не было написано.

Е.О.: Но подстраховались. И вы начали с ним писать сценарии или что? Чем вы занялись?

С.К.: Нет. «Проверку на дорогах» Леша писал с Володарским, я просто при этом присутствовала. Если какая-то достаточно робкая мысль приходила в голову, я говорила. А писать...

Е.О.: Но вы готовы были слушать, это тоже помощь.

С.К.: Да. А писать — это уже позже.

” Писать — это я его уговорила, потому что Леша боялся, он мне говорил: «Я режиссер, я не писатель. У меня отец был писатель, я не умею».

Я его уговаривала попробовать.

Е.О.: Но у него к тому времени, когда вы стали парой, отец уже умер.

С.К.: Да, год.

Е.О.: И эта фраза его, что ему не хватает умного человека рядом, собеседника, которым был отец и которого он нашел в вас, что не только подруга, но еще и... соратник... Не знаю, как назвать. Собеседник, оппонент, равный по разговору человек. Это очень важно, что он женился на такой...

С.К.: Но говорят же, что в пространстве две параллельные прямые все равно пересекутся.

Е.О.: Но представить это очень трудно. Последнее: хотела задать такой вопрос. Были сложные времена — как вы выживали? Какие были ресурсы? Как это было?

«Хрусталеv, машину!» (Рабочий момент)

Как выживали в сложные времена

С.К.: На разных этапах по-разному. Во-первых, давай не будем забывать, что при всем при том у нас было где жить, в отличие от моих родителей: была моя квартира в Москве и, собственно говоря, Лешин дом, так что этого вопроса у нас не стояло. Были мои родители, которые всегда были готовы прийти на помощь. Другое дело, что мы с Лешей понимали, что должны работать, зарабатывать на жизнь... Бывали минуты, конечно, очень тяжелые, когда после запрещения «Лапшина» Леше вообще запретили работать. Ему не разрешили ставить спектакль в Норильске, потому что мы готовы были на любую работу. Как ни старался Даниил Александрович Гранин, Леше не разрешили ставить многосерийный телевизионный фильм в Минске. Здесь была какая-то безнадежность... Я не знаю, что это такое. Я сейчас с этим столкнулась, потому что студия ведет переговоры по международному проекту, который называется «Бизерта», условно. В 1920 году наша эскадра в полном боевом порядке вышла из Севастополя. Присоединились из Керчи, из Феодосии суда, и дошла до французского Туниса, где в результате они и остановились. Они сохранили там порядки России и Российской империи: поднимали и спускали флаг, работал кадетский корпус, жены офицеров... Ведь с ними ушло 156 тысяч человек, ушло из Севастополя, то есть ушел огромный по тем временам город, ушли семьи. Учили детей, шили, нищали, пытались устроиться на работу: офицер и просто матрос могли устроиться на одну и ту же работу. До 1924 года, когда Франция признала Советскую Россию, и тогда спустили Андреевский флаг в последний раз. Значит, они жили по законам своей страны и своей Родины.

Е.О.: И церковь у них там была.

С.К.: Да. Вот что это было? Вера? Надежда? Ведь они же до последнего верили, что вернуться. Что это такое: верить, когда уже верить невозможно, когда та страна практически существует, какая бы она ни была, но существует. Надежда, что она захлебнется в крови, в своих проблемах — они же не знали, что там происходит. Вот что это было? И я тоже не могу... Я никогда не сомневалась, что все будет в порядке. А что это — я не могу тебе сказать. Может быть, потому что таким образом все произошло с папой, который из евреев-космополитов стал известным писателем. Может быть, мама, которая, живя тяжелые годы во время войны с первым мужем и в оккупации, тем не менее, знала, что все равно произойдет то, что опять изменит судьбу. Точно так же она была невероятно любящей, верной бесконечно женой начиная с 1949 года, с двумя детьми на руках, без копейки денег. Я же помню, когда на сковородке была мука с водой... Мы жили так. Я маму унылой не помню никогда.

Е.О.: Может, это опыт выживания. Тут что-то и про честь, и про веру, про надежду. Вот такие основные...

С.К.: Представить себе, сейчас вспоминая, представить и вспомнить мою маму в отчаянии... Нет. Никогда! Никогда!

Е.О.: Алексей Герман отмечал это, что в какие-то моменты сложные Света говорит: «Все образуется, все образуется».

С.К.: Конечно.

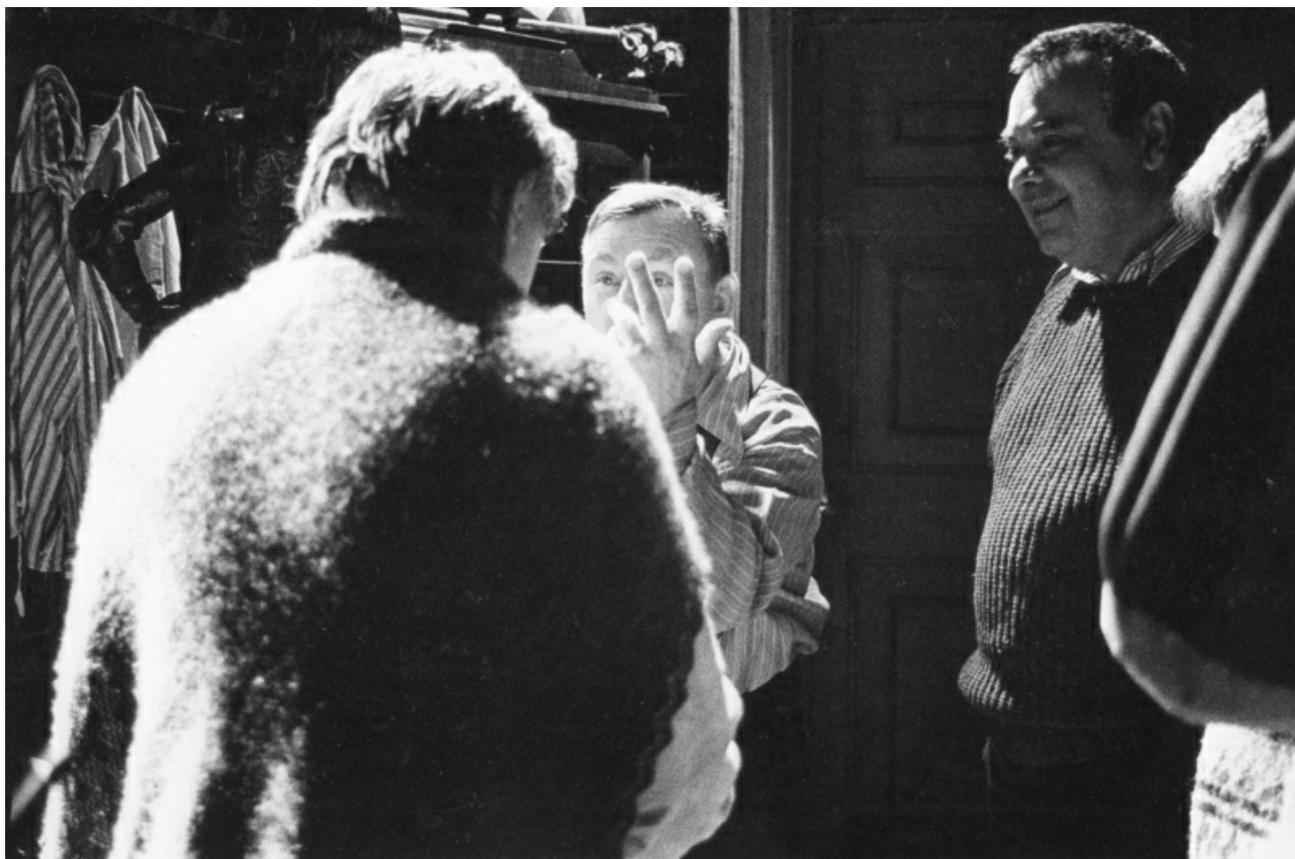
Е.О.: И он: «И как-то, — говорит, — образовывалось!»

С.К.: Конечно, совершенно невероятно... Особенно после «Лапшина». Тогда мы остались с Лешей вдвоем, потому что на днях рождения у нас бывали в том же Сосново по сорок человек. Если день рождения ребенка, предположим, или день рождения Лешин, которые падали на лето — начало осени, когда живешь на даче, все собирались по трое суток. Я помню день рождения Лешин: на третий день мы сидели и чистили картошку, которая уже была почти что не картошка, потому что все остальное было съедено и выпито, когда палатки ставили. Невероятными друзьями были наши сосновские соседи. Невероятными друзьями. Доходило до смешного. Напротив Агнии Кирилловны и Вани... Агния Кирилловна работала в магазине, а Ваня был шофер...

Е.О.: То есть они были далеки от кино...

С.К.: Это замечательно, я тебе сейчас скажу, насколько они были далеко. Там, напротив, у Вани, из снятого кузова он сделал баню.

Е.О.: Так.

«Хрусталеv, машину!» (Рабочий момент)

С.К.: Была такая баня: металлический короб, где в субботу парились, а напротив, как в патриархальных деревнях, были бревна. И на этих бревнах после бани мужики беседовали. Мы с Агнией Кирилловной беседовали на свои какие-то темы, но никто не имел право садиться на эти бревна, кроме этой компании... Если была Пасха и отмечали у нас, я готовила и накрывала на стол, готовила весь день. А что касается Вани, то Ваня сказал: «Знаешь, что, Леш, а мне ведь...» — в одной из бесед. Они очень любили, выпив, рассуждать про войну: какая армия куда вошла... Они какие-то выкладки делали, безумно интересные. Я очень много знаю про войну, поэтому было интересно слушать. И Ваня сказал: «Ты знаешь, Леш, а мне ведь все равно, вечером у телевизора под какое кино спать. Две картины я не сплю, когда смотрю: «Председателя» и «Живые и мертвые»». А вот теперь объясни, что это такое, далек или недалеко? Значит, недалеко. И Агния Кирилловна, которая покупала книжки и читала. У нее на лето была выгородка, беседка, и мы все ждали, когда она туда перевезет свой диван, подушки, этажерку с книжками. И когда все в полном порядке, и свинья накормлена, она ложилась там, как королева, с книжкой. Вот что это такое?

Е.О.: Интересно. И в тот момент, когда вокруг вакуум, они были...

С.К.: Да. Причем абсолютно ненасильственно все это произошло. Мы тогда начали писать сценарий, у меня машинка стояла... А напротив был дом соседа Павла Евгеньевича, а Павел Евгеньевич, насколько я понимаю, был майор в отставке, постоянный житель, местный, и он был то ли интендантом во время войны, то ли еще что-то... Я говорю: «Павел Евгеньевич поехал пить пиво — событие на нашей улице... Павлу Евгеньевичу привезли брусy — собирается что-то строить». Павел Евгеньевич действительно

собрался. У него были замечательные руки. В какой-то момент пришел к нам на Лешкин день рождения, с цветами, с сотами в подарок — у него ульи были, и сказал, что у него будет городской дом, он собирается строить себе ванну. Он выкопал перед входом в дом большую яму... И чтобы войти в дом, перекинул бревно и поехал пить пиво.

Е.О.: Так, уже интересно.

С.К.: Леша сказал: «Светка, что делать? Вечером будет „скорая“». Вечером была «скорая»: после пива он пошел по этому бревну... И все это произошло совершенно ненатурально. А у дочки Агнии Кирилловны, нашей подруги, день рождения совпадал с Лешиним, поэтому мы и праздновали часто вместе. Так что какая-то невероятно здоровая атмосфера и... извини за слово «интеллектуальная», я просто не могу сейчас другого найти.

Е.О.: Хорошее слово.

С.К.: Наполненная.

Е.О.: То есть дух и... хотя бы небольшая поддержка — и вам...

С.К.: Да, и одна...

Е.О.: ...и вам хватало.

С.К.: И одна семья... Потому что Агнии Кирилловне рано надо было уходить в магазин на работу, а ее внука Тарасика надо было провожать в школу, и мы Тарасика забрали жить к себе. Поэтому [у нас] жил... маленький Илюшка и, постарше, Тарасик. Его надо было отправить в школу, накормить. Тарасик стал оставаться у нас ночевать и, в общем, на какое-то время поселился.

Е.О.: Ну и еще, помогая другим, мы выживаем. То есть взаимно: они вам...

С.К.: Тарасик однажды собрался... Его класс ехал в цирк в Ленинград. Тарасик опоздал, и класс уехал. Он пришел с этим портфелем. Пришел и...

Е.О.: Несчастный...

С.К.: Да, он был несчастный. Он не плакал, не жаловался.

Е.О.: Страдал.

С.К.: И Лешка сказал: «Догоним!» Мы вскочили в машину и догнали, и привезли Тарасика в цирк. Это было прекрасно!

Е.О.: Ну что, это какая-то такая...

С.К.: Ну и, конечно, друзья...

Е.О.: ...метафора.

С.К.: Друзья, которые остались, это московские Саша Курляндский и Инна, самые близкие московские наши друзья. Лева уже собирался, Копелев, уехать...

Е.О.: В Германию же он...

С.К.: Да. Самые близкие наши друзья, друзья до сих пор, и все семейство Мельниковых, которое существует сейчас в виде выросших детей. Мы тут все перероднились, я судорожно пытаюсь вспомнить, кто чей крестный. Я знаю, что я — крестная Мани, дочки Насти Мельниковой. Леша — крестный Саши, дочери младшего Мельникова, тоже Саши. Рюрик Мельников, замечательный хирург и глава семьи, крестный нашего Леша.

Е.О.: Да, получается, что... связи такие...

С.К.: Да. Вот эти два невероятно близких дома всю жизнь.

Е.О.: Ну, что-то у меня прояснилось... Света, спасибо огромное, очень интересно с вами...